

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Впервые моя тень заговорила со мной, когда я была ещё крохой в колыбели. Говорят, что в ночь моего рождения даже звёзды сбежали с неба, и луна спряталась под чёрным плащом. Что я была тихоней с копной чёрных волос и блестящими, точно оникс, глазами. Я не кричала, как другие новорождённые, и не тянулась к маме, хотя обычно так велит инстинкт.

Вместо этого я вытянула свои крохотные ручки и улыбнулась тени в углу комнаты.

И она улыбнулась в ответ.

Люблю такие дни: ненастные. Дождь яростно барабанит по дому, и тени дрожат меж деревьев за моим окном. Всё вокруг погружено в нежные оттенки темноты.

Дара — моя тень — здесь, рядом со мной, нервничает, ходит из одного угла в другой.

— *Кендра опаздывает*, — говорит она. — *Нам лучше поиграть на улице, а не ждать её здесь. Разве ты не слышишь, как тени зовут нас?*

Звучит искушающе, но сегодня я намерена дождаться Кендру. Ей тринадцать лет, она на год старше меня, а её мама горничная. Когда-то мы играли вместе, но с тех пор, как пару месяцев назад она начала работать в нашем особняке, я её почти не вижу. Мама позволяла мне играть с Кендрой ровно до того момента, как та стала служанкой; теперь мама говорит, что водиться с прислугой неприлично.

Но за исключением Дары, у меня никогда не было друзей, и я скучаю по Кендре. Комета Серилия подарила мне магическое благословение — с рождения я владею магией теней и, когда была маленькой, развлекала себя тем, что делала игрушки из теней и играла

с той, что привязана к моим ногам. Дара — единственная тень, которую я могу назвать другом. Для большинства людей тени — это такие штуки, которые всегда прикреплены к стенам и полу, но для меня они становятся такими, какими я пожелаю: вязкими, точно глина, или почти неуловимыми, как дым. Я могу лепить из них всё, что захочу. Теперь, когда я стала старше, моё мастерство возросло. На низеньком столике передо мной лежат всевозможные тени, которые я собрала по углам особняка. Тёмный чайник дымится рядом с тремя чашками и блюдцами. На дымном подносе лежат настоящие пирожные — тени на вкус не очень — и три резных стула дожидаются Кендры, чтобы мы могли посидеть все втроем.

Мама не знает, что сегодня я пригласила Кедру на чай. Есть и другие игры, в которые я бы с радостью поиграла с Дарой и другими тенями, но Кендре они не очень нравятся. Поэтому сегодня у нас чай.

Дара на несколько секунд присаживается у моих ног, и тут до нас доносится звук из коридора. Во мне затеплилась надежда, но это просто кто-то из слуг прошёл мимо.

Я опускаюсь обратно в кресло, меня охватывает разочарование. Кендра опаздывает уже почти на полчаса. Я знаю, что у неё есть обязанности, но она могла бы заглянуть на минутку или хотя бы прислать записку.

— *Возможно, твоя мама отослала её, — предполагает Дара. — Она не хочет, чтобы ты продолжала играть со слугами.*

— Наверное, ты права, — хмурюсь я. Моей маме не составляет труда заваливать слуг поручениями. И она изо всех сил старается оградить меня от всех. Я сажусь прямее. — Давай принесём Кендре подарок. Будет забавно проскользнуть на служебную половину после обеда.

Дара складывается в улыбку на полу:

— *Значит ли это, что теперь мы можем пойти на улицу?*

Я смеюсь, несмотря на давящую на меня странную тяжесть. Гроза уже почти прошла, а солнце скрывается за горизонтом. Даже сейчас крошечные искорки света мерцают меж теней на нашей лужайке.

Я беру с полки банку, и мы с Дарой быстро бежим на улицу, пока мама не отчитала

меня за то, что играю в сырую погоду. Темнота вокруг нас сгущается, длиннопалые тени деревьев приветственно тянутся к нам. Мои ноги двигаются, и я бреду меж поросших мхом стволов, пока Дара напевает песенку. Мы танцуем с ней в сумеречных манящих тенях, а в банке пляшут тени. К тому времени, когда банка заполнена, я задыхаюсь от смеха, но этого недостаточно, чтобы заполнить скребущуюся пустоту, разверзшуюся, когда Кендра не пришла сегодня днем.

— Эммелина! — при звуках голоса матери я замираю на месте.

— Нам лучше поторопиться, иначе мы опоздаем к обеду. — Я закручиваю крышку банки. Дара вздыхает, но идёт за мной, её тело кренился к деревьям: видимо, она бы с радостью осталась снаружи. Когда я закрываю за собой дверь, она снова оказывается рядом со мной. Пусть мама разлучает меня с Кендрой — я всё равно никогда не останусь одна: Дара всегда составит мне компанию.

В банке тени кружатся вокруг крошечных порхающих световых точек. Кендре всегда нравились милые вещи, а эти тени такие за-

мечательные, я уверена, ей они тоже понравятся. Надеюсь, мама не слишком её загрузила. Я кладу банку в потайной карман юбки.

— Эммелина! — снова зовёт мама.

— Иду! — кричу я в ответ и бегу в столовую.

После ужина мы с Дарой делаем вид, что идём в мою комнату; позже, пока мама и папа не видят, я укрываюсь тенями, и мы проникаем на служебную половину. Кендра с родителями живут в одной комнате, и я, когда была помладше, раз или два приходила к ней в гости. Наверное, она устала после тяжёлого дня и совсем забыла про нашу встречу.

Но когда мы с Дарой, подойдя к её двери, собираемся постучать, я слышу голоса. Моя рука замирает в нескольких дюймах от деревянных плашек. Это одна из старших девочек, и они с Кендрой смеются. Электрическая волна ревности пронзает меня. Со мной Кендра никогда так не смеялась.

— Эммелина пригласила тебя поиграть в чаепитие? Притом что ей уже двенадцать лет?

Я вздрагиваю. Я не виновата, что мы играем только так. Кендра не хочет играть с тенями ни в какие другие игры.

Кендра стонет за дверью, и я буквально вижу, как её светлые волосы размётываются по плечам.

— Она сумасшедшая! Ткачи теней могут делать всякие штуки из теней — хотя и это уже достаточно странно, — но они не должны при этом слышать их и разговаривать с ними. Ни у кого из тех, кого благословила комета, нет больше одного дара — это всем известно. Но она искренне верит, что её тень — живое существо. Она даже разговаривает с ней и притворяется, будто та отвечает. Она ненормальная!

Жар охватывает всё моё тело. Одной рукой я опираюсь о дверной косяк. Их звенящий смех будто режет стеклом мои барабанные перепонки. Дара рычит.

Может, я и единственная, кто слышит Дару, но это не значит, что я сумасшедшая.

— *Не стоит тратить на неё время, Эммелина. У неё жестокое сердце. Она играла с тобой и притворялась милой, а на самом деле считает тебя ненормальной!* — возму-

щается Дара. Для них она просто тень, приклеенная к полу и стенам, но для меня она значит намного больше. — *Мы прекрасно обойдёмся без неё.*

Вторая девочка снова подаёт голос:

— Ну и хорошо, что ты не пошла. Сама знаешь, что говорят про тот случай с соседской девочкой Розой.

Смех Кендры обрывается:

— Учитывая её ненормальность, Эммелина вполне может быть опасной.

Моё сердце падает до самой земли. Я кручу в руках банку с тенями, мои ладони внезапно становятся липкими, и светлячки мигают. Свет и тьма изумительно играют друг с другом, но теперь я понимаю, что Кендра никогда бы не оценила такой подарок.

Она ни разу ни единым словом не выдала своих чувств, когда мы втроём играли с моими теневыми куклами и пили чай из дымных чайников. Она только делала вид, что ей нравится эта игра. Она вообще никогда не была моим другом.

— Ты права, Дара.

Я поднимаюсь по лестнице обратно в свою

ГЛАВА ПЕРВАЯ

комнату, и жар начинает испаряться, а на его месте остается только холод.

Позже тем вечером, пока Дара в комнате успокаивает меня, проводя прохладными пальцами по моим волосам и стирая слёзы с моих щёк, огоньки светлячков гаснут. Я сворачиваюсь калачиком на кровати и отправляю вихрящиеся тени обратно в лес с обещанием, что с этих пор я буду делить их лишь с теми, кто на самом деле способен их оценить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пока мы прячемся за лестницей, которой всегда пользуются слуги, Дара гудит от восторга. Здесь темнее и больше пыли, чем на лестницах в главной части особняка — вот почему моя тень посоветовала пойти сюда. Мы всегда охотимся за новыми играми, чтобы развлечься, и сегодняшней день не исключение.

Сейчас Кендра может появиться в любую минуту. С тех пор как я узнала, какая она на самом деле, её для меня больше не существует. Но сегодня мы ей покажем. Дара настоящая.

Иногда я слышу, как другие слуги шепчутся обо мне, когда не подозревают, что

я прячусь поблизости, скрываясь за паутиной теней, — единственный способ подобраться к ним и узнать их получше. Дара уверяет меня, что они завидуют. Обычные люди не владеют магией, как я. Раз в двадцать пять лет горстка людей получает благословенные дары, которые пролетающая по небу комета Серилия ниспосылает на наши земли. В прошлом людей вроде меня почитали за их таланты, но со временем лишённые магии озлобились на нас. Особенно на тех, чей дар не связан напрямую с чем-то практическим, вроде ускорения роста растений или управления водой.

Я думала, что Кендра не такая. Она была одной из немногих в этом доме, с кем я могла поговорить, кто, как я думала, захотел узнать меня получше. Но я ошиблась. Она ничем не отличается от других.

Сейчас полдень, на этой лестнице только одно маленькое окошко, и я заранее задула свечи. Тьма придаёт мне храбрости, а Дара возвышается рядом со мной, пока старинные часы в коридоре отсчитывают минуты. Моя тень связана со мной, но она может двигаться и вытягиваться лучше любого человека.

Вскоре мы слышим шлёпанье поношенных туфель Кендры, которые ей к тому же велики, она идёт в прачечную с корзиной. Дара расширяется в ожидании, когда её выпустят. Я, затаив дыхание, прячусь за углом.

Кендра проходит мимо, не взглянув в нашу сторону. Переполненную корзину она держит в руках перед собой, поэтому вряд ли что-то видит из-за неё. Дара выпрыгивает вперёд, в последнюю секунду превратившись в огромного монстра — сплошь чёрные зубы и алчная пасть. Кендра кричит и отскакивает назад, корзина выскользывает у неё из рук и падает на пол, треснув пополам. Кендра неловко подворачивает ногу и падает на колени, ругаясь вполголоса.

Дара фыркает от смеха, быстро возвращается ко мне, но мой собственный смех замирает в горле, когда я вижу перекошенное от злости лицо Кендры. Оказывается, всё это вовсе не так смешно, как я думала поначалу.

— Обязательно было принимать облик монстра? — шепчу я, нахмурившись. Мы планировали, что Дара изобразит тень моей мамы. Её появление в отсутствие мамы само по себе было бы достаточно пугающим.

— *Но это мой любимый облик*, — говорит Дара.

— В следующий раз никаких монстров. Придерживайся плана, — шепчу я.

Дара вздыхает:

— *Ладно, обещаю.*

Дрожащими руками Кендра собирает разбросанную одежду в стопку. Я выхожу из теней, где до этого пряталась.

— Нужна помощь? — спрашиваю я, теребя рукава.

При виде меня Кендра отшатывается, но теперь одна нога плохо её слушается. Она облокачивается на стену и скулит.

— Мерзкие у тебя шутки, Эммелина, — говорит она. — И ты такая же.

Моё лицо белеет, и я отворачиваюсь от её неприязненного взгляда.

— Пойдём, — шепчу я Даре. Сейчас она так раздулась, что стала в два раза больше своего обычного размера. Она любит играть.

— *Но мы пропустим самое интересное*, — возражает она. Дара любит смаковать свои проделки и наблюдать за последствиями наших игр, но сегодня я не в настроении.

Меня наполняет тяжесть. Я качаю головой и убегаю в сторону нашего коридора. У Дары нет выбора, кроме как последовать за мной. Никто из слуг не останавливает меня на бегу; они опускают глаза и отходят в сторону, пропуская меня.

Я смутно припоминаю то время, когда слуги смотрели мне в глаза. Когда мама и папа не отгораживались от меня, как сейчас. Но это было до того случая. Долгое время я почти не думала о нём, но недавно, после того как я подслушала разговор Кендры и другой служанки, он снова всплыл в моей памяти.

Мне было всего шесть лет, я играла в прятки в лесу в нашем поместье с соседской девочкой, Розой, которая была одного со мной возраста. Я помню только, что заснула там, где пряталась. Дара заверила меня, что приглядит за девочкой и не позволит ей найти меня, что уведёт Розу подальше, глубоко в лес. Когда я проснулась, уже наступила ночь и по лесу рассыпались люди, вышедшие на наши поиски. Я благополучно вернулась домой — в отличие от Розы.

Я плакала целыми днями, клялась родителям, что Дара собиралась только увести Розу

подальше от того места, где я пряталась. Но она, должно быть, забрела слишком далеко.

Позже я услышала, как родители обсуждали это: с наступлением сумерек Роза зашла очень далеко в лес и каким-то образом упала в пруд — за много миль от того места, где я видела её в последний раз. Её мать была вне себя от горя и уехала из наших краёв. С тех пор мои родители никогда не относились ко мне, как раньше. Примерно в то же время они стали говорить мне, чтобы я перестала всем подряд рассказывать про Дару, будто она настоящая.

Тогда и началось моё затворничество.

Стоит только мне закрыть дверь к себе в комнату, как раздаётся резкий стук.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Эммелина, открой дверь, — отвечает мама. Сердце у меня уходит в пятки. Она уже знает, что мы сыграли шутку с Кендрой?

Я открываю дверь, и мама заходит внутрь, юбки развеваются и задевают стопку теневых зверей, которых я запихнула на нижнюю полку стоящего у двери книжного шкафа. Тень в форме щенка цепляется за подол маминого платья и волочит за ним, пока мама идёт

к креслу. Она даже не замечает этого. Я поднимаю тень с пола и позволяю ей танцевать и прохаживаться по моей ладони.

— Ну и что нам с тобой делать? — спрашивает мама, с отвращением глядя на крошечное теневое существо у меня в руке.

Я хмурюсь и сажусь на край своей кровати с белым пологом — именно таким, какой предпочитает мама, — Дара лужицей растекается у моих ног. Она дуется. У нас неприятности.

— Ты о чём?

Если мама ещё не знает о нашей шутке, то я вовсе не хочу просвещать её.

Но она смотрит на меня тем самым взглядом: он означает, что она всё знает, и знает, почему я только что задала вопрос. Яжимаю плечами.

— Ты не имеешь права так обращаться со слугами, Эммелина. Они не твои игрушки.

Мои внутренности сводит. О нет! Она действительно знает.

— *Кендра наверняка ей пожаловалась,* — бурчит Дара. Не сомневаюсь, что так оно и есть.

— Я не знаю, что тебе сказала Кендра, но она меня не любит. Мы просто немного повеселились.

Мама скрещивает руки на груди:

— Из-за твоего веселья Кендра вывихнула лодыжку. Твои шуточки с теньями совсем не смешные.

Мои плечи поникли. Мы вовсе не хотели, чтобы Кендра пострадала.

— Теперь у нас на этой неделе на одного слугу меньше, — продолжает мама. — А мы ожидаем гостей.

— Правда? Кого?

Я наостряю уши. Гости — редкость в нашем доме. Мама и папа по возможности стараются сделать так, чтобы никто не знал о моём даре. А если придут гости, это значит, что я смогу хотя бы немножко пообщаться с кем-то новым.

— Из Циннии приезжает делегация, чтобы обсудить возможность договора с соседней провинцией Аббачо. Они пытаются заручиться поддержкой аристократии, чтобы объединить нас всех под один свод законов. — Глаза мамы сужаются. — Это важно.

Пока они здесь — никаких происшествий. Пожалуйста, не опозорь нас. Никаких шуточек и ни слова о твоей тени.

Её слова режут, мои щеки алеют, как будто меня ударили. Я гляжу на свои руки и мну подол юбки. Опозорить их? Вокруг так мало людей с магическими способностями, можно было бы ожидать, что родители захотят мной похвастаться. Но они не понимают, как прекрасны тени, как великолепна тьма, не видят их так, как я.

Только Дара понимает меня.

Она сжимает мою лодыжку, как будто читает мои мысли.

— Ты не сумасшедшая, и ты не недоразумение; ты драгоценность. Когда-нибудь мы им это докажем.

Я делаю глубокий вдох:

— Я буду стараться изо всех сил, мама. Обещаю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сегодня тени кажутся тоньше, чем обычно. Возможно, они стесняются и прячутся от делегации, которая должна прибыть днём. Последний раз гости были у нас несколько лет назад, когда мы решили, что будет забавно вымостить теньями пол в гостевом крыле. Но вредная дочь гостей с этим не согласилась.

Она совсем не хотела со мной играть и воротила нос при виде моих теневых зверей. Когда я попыталась рассказать ей о Даре, она рассмеялась и сказала, что я уже не в том возрасте, чтобы заводить воображаемых друзей. Ночью она споткнулась на скрытой теневыми узорами лестнице и сломала руку. На следу-

ющее утро вся её семья собрала вещи и уехала. А я ведь только хотела украсить гостевое крыло, я не хотела её обижать, но мама с папой были в ярости.

Надеюсь, новые гости будут приятнее. Я должна изо всех сил постараться выполнить обещание, данное маме, и ни словом не обмолвиться о тенях. А если эти гости *всё-таки* окажутся неприятными, то я буду как можно больше времени проводить в своей комнате. Кому они нужны, когда у меня есть Дара и приятная темнота на кончиках пальцев!

— *Нам давным-давно не приходилось подслушивать незнакомцев,* — Дара мурчит мне на ухо, когда мы идём по коридору к кухне. — *Мне уже скучно слушать твоих родителей и слуг. Когда придут эти новенькие, нужно будет их подслушать, чтобы узнать, какие они на самом деле.*

Я улыбаюсь:

— Мне нравится эта идея.

Дара знает, что подслушивание давно стало моей любимой игрой. Когда я слушаю разговоры других, я представляю, будто заливаюсь смехом вместе с ними, а не прячусь в тени поблизости.

Когда мы поворачиваем за угол, я замираю на месте. Передо мной стоит странная маленькая девочка с тонкими растрёпанными волосами, колышущимися вокруг её лица словно живые. Она дёргает головой и хмурится, глядя на меня. На ней блёклое жёлтое платье с грязным подолом и рукавами. У неё непонятные глаза: большие и немигающие, как будто она всё видит, но не всё воспринимает.

Дара клубится у меня над плечом:

— *Она странная.*

— Как думаешь, она потерялась? — шепчу я в ответ. — Гости уже прибыли?

Девочка внезапно расплывается в улыбке и хлопает в ладоши.

— Я тебя знаю, — произносит она нараспев. — Ты больше не сверкаешь и не сияешь. — После чего замолкает и снова смотрит перед собой.

Ощущение — словно ледяная рука касается меня изнутри. Как будто девочка смотрит сквозь меня. Я дрожу и зову своих теней поближе. Вскоре меня окружает спасительная темнота, и я больше не чувствую взгляда девочки. Она, похоже, и не заметила, что

я спряталась. Но когда мы с Дарой выскальзываем из коридора, маленькая девочка снова начинает напевать:

— Я тебя знаю, я тебя знаю.

Я не могу так быстро скрыться от неё, чтобы не слышать этого.

Когда мы добираемся до кухни, выясняется, что я была права: гости прибыли рано, а значит, мы не успеем немного повеселиться в особняке. Дара расстроена, а я нет. Сегодня облачно, замечательная погода для своеобразных теней в лесах на наших землях. Стащив кусок яблочного пирога у повара, который на меня едва взглянул, я выхожу из дома. Когда-то, уже после того случая с Розой, мама и папа запретили мне ходить одной в лес, но потом махнули рукой. Тени вызывают ко мне; я ничего не могу поделать.

Я перехожу на бег, Дара стелется за мной точно тёмный плащ, и мы несёмся в лес, оставив позади все тревоги по поводу неодобрительных взглядов родителей. Деревья никогда меня не осудят. Я останавливаюсь, только

когда оказываюсь настолько далеко, что из окон особняка меня уже никто не увидит. Я смеюсь и вскидываю руки к небу. Воздух на вкус как дождь, и ветер скользит меж ветвей, отчего деревья начинают танцевать. Сегодня прекрасный день.

На мой зов дрожащие тени сползают со своих мест между деревьями, и я преобразую их с помощью своей магии. Они образуют квадрат, который медленно перетекает в вытянутый пятигранник. Потом я добавляю с краю хвост. Я создаю тeneвую верёвку и хватаюсь за неё, после чего мы направляемся в поле на краю владений моих родителей. Ветер швыряет моего теневого змея из стороны в сторону, а мы с Дарой гоняемся друг за другом по дороге на холм и вниз.

Мы останавливаемся на нашем любимом месте на вершине холма — за спиной тёмный лес, а впереди поля, протянувшиеся на целые мили, — и ложимся смотреть, как грозовые облака сгущаются над нашими головами. По моей команде тени под тучами корчат смешные рожицы и принимают странные формы. Но я не смеюсь, как обычно в такие дни. Од-

но вихрящееся волнистое облако напоминает мне волосы маленькой девочки. Она преследует меня в мыслях.

— *Не волнуйся,* — говорит Дара. — *Она ничто.*

— Это меня и беспокоит, — отвечаю я. — Она казалась такой... пустой. Такой... отрешённой.

Эта встреча расстроила меня куда сильнее, чем хочется признавать. Но я доверяю Даре. Она умеет читать людей так, как мне никогда не научиться. Она мой лучший друг.

Облака клубятся над нашими головами, и капли дождя шлёпаются мне на лицо. Я отпускаю стон:

— Наверное, нам пора идти. Мама с папой будут в ярости, если узнают, что я пришла в дом промокшая, когда у нас гости. Такие важные.

— *Они не знают, что теряют,* — отвечает Дара, виляя между каплями.

Я улыбаюсь и отпускаю теней из змея обратно в лес. Несколько мгновений они шепчутся вокруг меня, точно друзья, с которыми расстанешься лишь ненадолго, а потом исчезают. Мы с Дарой возвращаемся в дом, грозовые

тучи преследуют нас. Но когда мы подходим к дому, я краем глаза замечаю белую вспышку — и замираю. Та странная девочка просто стоит там, в центре заднего сада, и капли падают на неё. Она не двигается, она смотрит на меня в упор. С того места, где она стоит, ей открывается широкий вид на лес.

Она... она следила за нами? Она видела, как мы зашли в лес, и просто ждала нас? Но зачем?

Я содрогаюсь, когда понимаю, что её губы движутся, снова и снова произнося всё те же слова. Мне не нужно слышать её, чтобы знать, что она опять повторяет прежний напев: *«Я тебя знаю, я тебя знаю»*.

Я отворачиваюсь и стараюсь как можно скорее миновать сад, надеясь, что она не последует за нами. Как только мы заходим внутрь, мы бежим в мою комнату.

Я искренне собиралась внять маминому предупреждению, но до обеда ещё целый час, и я не могу не думать об этих таинственных гостях. Они все как та девочка? Странные и жуткие? Мне известно только то, что мои

родители очень хотят произвести впечатление на этих людей.

Укрывшись темнотой так, что нас никто не видит, мы выходим из моих покоев и направляемся в гостевое крыло.

— *Возможно, они сделали с ней что-то, из-за чего она стала такой,* — предполагает Дара, и у меня по спине бежит холодок. Надеюсь, это не тот случай.

Разумеется, теперь я должна всё разузнать. Девочку мы не видели с тех пор, как вернулись домой. Дождь всё ещё барабанит снаружи, эхо разносится по дому. Отличное прикрытие, чтобы я могла проникнуть туда, где меня быть не должно.

Любимая игра Дары — проделки, а я больше всего люблю подслушивать, и за все эти годы я неплохо натренировалась.

Дверь в гостевое крыло слегка приоткрыта. Я, Дара и все тени, какие я только смогла собрать, жмёмся в углу у двери, чтобы занять удобный наблюдательный пункт и при этом оставаться скрытыми от чужих глаз. Я уверена: раз уж мама наказала мне вести себя прилично, родители не сказали гостям, что я умею делать, и надеются, что гости ничего не узнают.

Дара шепчет мне на ухо:

— *Если эти люди действительно что-то сделали с той девочкой, твои родители захотят узнать об этом. Мы выясним, что эти гости собой представляют.*

Вдохновившись её словами, я усаживаюсь в углу и жду. Стены в гостевом крыле украшены лучшими мамиными полотнами. Мне больше нравятся старые гобелены рядом с моей комнатой. В них много истории и меньше фальши. А ещё с ними удобнее играть в прятки. Сейчас перед нами просторная гостиная, где несколько обитых парчой стульев стоят вокруг низкого стола с когтистыми деревянными ножками. Нам не приходится долго ждать: из дальней комнаты выходят двое незнакомцев. Тот, что постарше — высокий, с соломенными волосами и коротко подстриженной бородой. Оба очень загорелые, а у второго глаза такие синие, что я сразу замечаю их издали. Но они садятся к нам спиной, и нам трудно разобрать, о чём они говорят. До нас доносятся только невнятные голоса и редкие смешки.

— *Нужно подобраться ближе,* — говорит Дара.

— Это рискованно... — шепчу я.

— Оно того стоит.

Снаружи достаточно облачно, и даже при слабом свете, сочащемся из окон, комната остаётся погружённой в таящиеся в каждом углу тени. Я вполне могу проскользнуть дальше и сформировать вокруг себя теньевую завесу. Мама и папа никогда не узнают о том, что я в гостиной. На цыпочках мы входим в полуоткрытую дверь — буквально за секунду до того, как один из мужчин жалуется на сквозняки в доме и встаёт, чтобы закрыть её. Стоя в углу, я затаиваю дыхание, сердце колотится о рёбра. Нельзя, чтобы меня заперли здесь. Мне придётся ждать, когда они отправятся на обед, чтобы уйти отсюда.

— Так-то лучше, — говорит тот, что помоложе, вернувшись на своё место. Судя по всему, он относится ко второму мужчине с большим почтением. Должно быть, это тот самый господин, которому хотят угодить мои родители. На его лице застыла неизменная усмешка, отчего невольно думается, что наш особняк не произвёл на него впечатления. Бедная мама. Она так гордится роскошными гостиными в своём доме — но похоже,

что весь шёлк и парча мира не умилоостивят этого господина.

— Что ты думаешь, дядя Тейт? Предчувствия не обманули леди Эшлинг? — спрашивает тот, что помладше.

Тейт вздыхает и крутит в руке бокал с тёмной жидкостью, но не пьёт из него:

— Это нам ещё предстоит узнать. Если Симона сделает своё дело, к утру всё будет ясно.

— И поэтому она ушла туда?

— Она хорошо подготовлена. — Он нюхает жидкость в бокале — и морщит нос.

— Я не знаю, как вы и леди Эшлинг это делаете, но ваша маленькая коллекция включает в себя самых благовоспитанных слуг, каких я когда-либо видел. И самых странных.

Тейт издаёт лающий смешок и ставит бокал на стол:

— Ну, Алден, это цена, которую мы готовы заплатить. И стоит отдать честь безупречной работе леди Эшлинг. Я всего лишь её слуга и посланник.

Эта беседа тревожит меня, но я не вполне понимаю почему. Странная девочка, которую я встретила, служит у них — ну и что?

— Не говоря уж о том, что вы её заместитель и лучший охотник. Она даёт вам наводку, и вы идёте по следу. Если леди Эшлинг права, Симона разнюхает, кто здесь новая добыча.

У меня волосы на затылке встают дыбом. Дара от волнения начинает раздуваться, но успокаивается, когда я прикасаюсь к ней. Я не совсем понимаю, о чём они говорят, но всё это мне определённо не нравится.

— *Нужно обязательно обыскать их покои, когда они уйдут,* — говорит Дара.

Предложение очень заманчивое. Папа разозлится, если я опоздаю к обеду, но я должна докопаться до сути. Чем дольше я слушаю, тем сильнее убеждаюсь, что Дара права и они что-то сделали с той девочкой. Она для них ничего не значит. Здесь что-то нечисто.

Не успеваю я подумать, где сейчас та девочка, как дверь открывается, и она входит в комнату, её волосы и платье всё ещё мокрые. Я вжимаюсь в стену, надеясь, что Дара и остальные тени смогут меня спрятать. Мне показалось, будто девочка может видеть сквозь них, но раньше я таких людей не встречала. Она продолжает бесцельно слоняться